

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О ТРУДАХ АКАДЕМИКА В. Ф. ШИШМАРЕВА

Комитетом по Ленинским премиям в области науки и техники в 1957 г. была присуждена Ленинская премия «за наиболее выдающиеся работы в области науки» наряду с шестью другими учеными, акад. Владимиру Федоровичу Шишмареву. Выдающийся советский ученый-филолог получил высшее признание нашего Отечества «за исследования в области романской филологии, изложенные в трудах „Историческая морфология французского языка“, „Книга для чтения по истории французского языка“ и „Словарь старофранцузского языка“ к „Книге для чтения по истории французского языка“, опубликованных в 1952—1955 годах»¹.

Славный творческий путь ученого-исследователя пройден В. Ф. Шишмаревым: еще в 1893 г. появилась его первая печатная работа, посвященная, как и многие более поздние, литературоведческой проблематике. В 1909 г. подготовленное В. Ф. Шишмаревым двухтомное издание текстов средневекового французского поэта и музыканта Гильома Машо, сопровождаемое самостоятельным их исследованием, было удостоено французской Академией наук премии Сентюра.

Широта филологических интересов В. Ф. Шишмарева сказалась особенно отчетливо в двух его диссертациях — «Лирика и лирики позднего средневековья. Очерки по истории поэзии Франции и Прованса» и «Клеман Маро», т. 1². Долгие годы занятий под руководством акад. А. Н. Веселовского в Петербургском университете, постоянные связи и научное общение с крупнейшими учеными за рубежом (Г. Париз, А. Тома, М. Фасьо, П. Райна, Э. Пароди, К. Шабано), слушание специальных курсов и участие в семинарских занятиях способствовали упрочению и углублению исключительной эрудиции ученого. Самостоятельная работа в библиотеках и архивах Франции, Италии, скандинавских и других стран помогла приобретению навыков палеографических и текстологических исследований. Это, впрочем, никак не помешало широте научных и общественных контактов талантливого исследователя и только содействовало выработке аналитического метода исключительной точности и высокой требовательности к себе, к своему труду ученого.

Исследовательская работа В. Ф. Шишмарева всегда сочеталась с преподаванием (Петербургские педагогические курсы, Петербургский университет, Высшие женские курсы, Рабоче-крестьянский университет в Костроме, Среднеазиатский университет); разнообразие научных исканий нашло отражение в тех лекционных курсах и занятиях, которые вел и продолжает вести старейший филолог-романист нашей страны. Многие специалисты в области романских языков и литератур являются учениками В. Ф. Шишмарева; будучи самостоятельными учеными, возглавляя кафедры и руководя научной работой, они продолжают поддерживать тесную связь со своим учителем и научным руководителем, который щедро оказывает внимание каждому из них и проявляет заботливый интерес к их работе. Прекрасным подтверждением постоянных живых связей между В. Ф. Шишмаревым и его учениками и товарищами по специальности служит изданный Ленинградским университетом сборник статей к восьмидесятилетию общепризнанного главы советской романистики³.

Деятельность исследователя-лингвиста органически сочетается с деятельностью исследователя-литературоведа. Если уже прежде В. Ф. Шишмарев был связан с Академией наук (редактирование собрания сочинений А. Н. Веселовского и др.), то с 1923 г. он постоянно участвует в работах ряда академических институтов, сосредоточив свою деятельность преимущественно на вопросах языкознания. Как член-корреспондент (с 1924 г.) и академик (с 1946 г.) Академии наук СССР по западноевропейской филологии В. Ф. Шишмарев наряду с капитальными трудами по лингвистике продолжает публикацию статей по вопросам литературы — «О переводах Клемана Маро», «Рауль де Камбре», «Реньо и Жаннетон» (статья, которая связана с его статьей «Следы библиотеки Рене Анжуйского в рукописных собраниях Публичной библиоте-

¹ «Правда» 22 IV 57.

² Первая издана в Париже в 1911 г., вторая — в Петрограде в 1915 г.

³ «Романо-германская филология. Сб. статей в честь акад. В. Ф. Шишмарева», Л., 1957.

ки)», «Шота Руставели (Несколько параллелей и аналогий)», «Декамерон» Боккаччо, «У истоков итальянской литературы», статьи о А. Н. Веселовском, главы в «Истории французской литературы»¹ и др.

Уже в двух статьях о Гаргантюа, в статье «Этимологические заметки» все отчетливее проявлялся интерес со стороны исследователя к вопросам языка. Прекрасное знание ряда западноевропейских языков, сочетающееся со свободным владением разговорной речью, способствовало широкому тематическому охвату романтической проблематики. Как бы подготовкой к «Очеркам по истории языков Испании» явилась статья «Баскский язык»². Значение этих работ по языкам Иберийского полуострова тем более велико, что своей отечественной традиции в их изучении не было.

В области итальянского языка и литературы В. Ф. Шишмаревым проведено исследование творчества флорентийского гуманиста-новеллиста Франко Саккетти и дан отличный перевод сборника его новелл (к сожалению, эта рукопись до сих пор не издана). Характерным для В. Ф. Шишмарева-лингвиста является обращение к изучению живых говоров романских языков на территории СССР; из опубликованных материалов можно отметить статью «Один из южноитальянских говоров в Крыму»³.

В сферу научных интересов В. Ф. Шишмарева входят также восточнороманские языки. Ученый особенно тщательно изучает вопрос об исторических судьбах восточных романцев и их языка. Свидетельства римских и византийских историков, большое число специальных исследований, посвященных так называемой непрерывности (continuitate) расселения восточных романцев к северу от Дуная, помогли автору формулировать свои взгляды в работе «Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР»⁴. В другом завершаемом труде о романских языках на территории СССР он снова возвращается к этой трудной и еще не решенной проблеме. Для маститого ученого всегда наибольшей привлекательностью обладают те мало выясненные или запутанные моменты в исследуемой проблеме, которые могут быть определены только путем привлечения новых материалов, пересмотра старых с новой точки зрения, с последующим их обобщением и выводами.

По своему удельному весу работы по французскому языку занимают в творческой биографии В. Ф. Шишмарева такое же ведущее место среди его лингвистических трудов, как монографии и статьи по французской литературе среди литературоведческих. Именно здесь лучшие черты талантливого ученого и настойчивого, не боящегося трудностей исследователя нашли свое полное выражение. Как лингвист, литературовед и одновременно палеограф и текстолог с исключительно широким общим и филологическим кругозором, он показал себя в удостоенных Ленинской премии трех книгах по истории французского языка. Вполне можно согласиться с мнением проф. А. А. Смирнова, что «мы располагаем теперь на русском языке таким пособием по изучению старофранцузского языка и словесности, какого в научной литературе еще никогда и нигде не появлялось»⁵.

По своим задачам каждая книга имеет специфические особенности. «Книга для чтения по истории французского языка IX—XV вв.» (как она названа ее автором)⁶ далеко превосходит по своей значимости скромные рамки данного ей названия. Она не является хрестоматией в обычном смысле этого слова и не должна сопоставляться с хрестоматиями типа К. Барча, Г. Париса и др. В «Книге для чтения» представлены разные по своему жанру памятники письменного языка, расположенные по хронологическому принципу и достаточно широко отражающие французский язык в его местных разновидностях с теми специфическими чертами, которые обусловлены социальной средой или профессиональным воздействием. Казалось бы, что объяснительные статьи автора, библиографические указания и примечания подчас более подробные, чем это нужно осведомленному лингвисту. Но нельзя не согласиться с утверждением В. Ф. Шишмарева, что «некоторый литературоведческий комментарий к изучаемому памятнику не бесполезен и для языковеда, на которого прежде всего рассчитана книга. Такая точка зрения зачастую недооценивается. Она как будто ясна, когда речь идет об изучении проблемы стиля, об-

¹ См. указанные статьи в следующих изданиях: ИАН СССР, Серия VI, № 9—11, 15 мая—15 июня 1927 и № 15—17, 1 ноября—1 декабря 1927; ИАН СССР, Отд-ние обществ. наук, 1931, № 10; «Лит. наследство», № 33—34, М., 1939; кн. «Средневековые в рукописях Публ. биб-ки», вып. II, Л., 1927. Также см.: «Romania», т. LV, 1929; ИАН СССР, Отд-ние обществ. наук, 1938, № 3; Д. Ж. Боккаччо, Декамерон, Л., 1927; ИАН ОЛЯ, 1941, № 3 и 1944, вып. 6; «История французской литературы», т. I, М.—Л., 1946.

² Сб. «Культура Испании», М.—Л., 1940; см. В. Шишмарев, Очерки по истории языков Испании, М.—Л., 1941.

³ «Уч. зап. ЛГУ», № 58, Серия филол. наук, вып. 5, 1941.

⁴ Сб. «Вопросы молдавского языкознания», М., 1953.

⁵ См. рецензию А. А. Смирнова: в ИАН ОЛЯ, 1956, вып. 4, стр. 376.

⁶ В. Шишмарев, Книга для чтения по истории французского языка IX—XV вв., М.—Л., 1955.

разования литературного языка, особенностей языка отдельного писателя-художника и т. п. Но она существенна и при решении многих задач чисто лингвистического характера, так как помогает зачастую глубже проникнуть в проблему взаимоотношения формы и содержания, разобраться в некоторых вопросах словаря и синтаксиса и даже фонетики. Не разрыв, а наоборот, взаимоучет этих близких одна к другой областей знания облегчит работу в той и другой, вопреки часто высказываемому мнению о их изоляции» (стр. 3).

Отбор текстов для «Книги для чтения» произведен с большой тщательностью и преемственным знанием предмета. Уместно лишь поставить вопрос об использовании в «Книге для чтения» эпиграфических материалов, хотя отбор их, поскольку речь идет о надгробиях, надписях на картинах и *ex voto*, представляет известные трудности¹.

Благодаря большим фрагментам и изложению содержания пропущенных мест «Книга для чтения» дает основательное представление о крупнейших памятниках французской письменности IX—XV вв. К сожалению, текстологические знания читатель этой книги может приобрести только при обращении к некоторым памятникам. Так, песни Адама ле Боссю приводятся по изданию Р. Бергера, являющемуся точным переводом на диалект Арраса (*Le dous maus me renouvele* — стр. 246), и в написании рукописи, в которой диалектальные черты выражены менее последовательно (*Il ne muet pas de sans celui qui plaint*); то же следует сказать об отрывке из «Паломничества Карла Великого», из которого 10 тирад даны по дипломатической копии Роха, а 6 тирад — по изданию Е. Кошвица. Правда, в предисловии к «Книге для чтения» автор дает советы по приобретению навыков самостоятельной работы над текстом.

Литературоведческие введения и особенно распространенный лингвистический комментарий придадут рассматриваемой книге характер исследования старофранцузского языка и литературы. В этом основное отличие «Книги для чтения» от зарубежных хрестоматий и даже лучшей среди них — А. Апри².

Нельзя не отметить самостоятельной ценности небольшого очерка «От языка XIV и XV вв. к языку XVI в.», который подводит итоги развитию французского языка по XV в. включительно и в то же время помогает понять XVI в. как период совершенствования языка и отказа от многого, насильно ему навязанного.

Выборочно можно остановиться на отрывке из «Песни о Роланде». Для характеристики памятника и его языка приведенных 64 тирад вполне достаточно, поскольку общее их число равно 291. Обильная библиография, которой предшествуют сведения о рукописях и изданиях, содержит указания на ряд работ, посвященных вопросам возникновения и истории французских эпических поэм и специально «Песни о Роланде». Однако по вполне понятным причинам эта библиография не претендует на полноту, так как автор стремится к отбору наиболее существенного³.

Если примечания к указанному памятнику в «Хрестоматии» А. Апри занимают меньше страницы, то в «Книге для чтения» им отведено десять страниц. Сведения о вокализме и консонантизме даны наряду с примечаниями по морфологии и синтаксису. Широко использованы примеры, а также сопоставления с диалектными формами других областей. Быть может, надо было затронуть и некоторые вопросы старофранцузской метрики, а в отношении эпических поэм — коснуться связей с музыкой⁴.

Подчас неиспользование новых изданий вызывает расхождение между ними и текстом «Книги для чтения». Так, стих 269 звучит (по «Книге») *E jo irai al Sarazin en Espagne*, в то время как у Рольфа мы читаем: *Et jo irai al Sarazin espan*; соответственно стих 310 в «Книге» *En Sarraguce sai ben aler m'estoet*. АОI, у Рольфа же (а не только у Мортье, как сказано в примечании в «Книге») — *En Sarraguce sai ben qu'aler m'estoet*⁵. То же следует сказать о «Житии св. Алексея», изданном Рольфом (1950), и двух мираклях Готье де Куэнси, изданных Э. Ранкка (1955), и др.

Нельзя хотя бы коротко перечислить те существенные наблюдения и выводы, к которым приходит В. Ф. Шпильмарев при рассмотрении языка отдельных памятников. Приведем для примера оценку «Рейхенауского глоссария», данную им в «Книге для чтения»: «Рейхенауский глоссарий — памятник не народной романской речи, а речи латинской, живой, на которой говорило грамотное (т. е. знавшее так или иначе книжную

¹ Cp.: J. Gailliard, *Inscriptions funéraires et monuments de la Flandre Occidentale*, Bruges, 1861; M. Durand, *Les inscriptions françaises en région flamande*, «Le français moderne», 1957, № 2.

² A. Henry, *Chrestomathie de la littérature en ancien français*, Bern, 1953.

³ Cp. A. Junker, *Stand der Forschung zum Rolandslied*, Germ.-Rom. Monatschr., N. F., Bd. VI, Hf. 2, 1956.

⁴ H. Lausberg, *Zur altfranzösischen Metrik*, «Rom. Forsch.», Bd. 68, Hf. 1—2, 1956.; J. van der Veen, *Les aspects musicaux des chansons de geste*, «Neophilologus», 1957, № 2.

⁵ «Das altfranzösische Rolandslied nach der Oxforder Handschrift», hrsg. von A. Hilka, 3-e Aufl. besorgt von G. Rohlf, Halle, 1948.

латынь) монашество, — речи, проросшей, естественно, народными («вульгарными») элементами. Отсюда важность данного памятника для изучения романских языков на территории восточной части центральной Романии» (стр. 14). Однако встречаются в «Книге для чтения» некоторые неуточченности и стилистические неудачи (такова характеристика языка и вводные замечания к «Житию св. Леодегария» и к «Житию св. Алексея»). Не совсем понятен отказ автора от привычных для русского читателя названий: вместо «Песни о Роланде» — «Поэма о Роланде», вместо «Игра в беседке» — «Зеленое действо». Но все это, наряду с опечатками (на стр. 20 неверно указан год рождения Лотаря, на стр. 27 Хлодвиг назван Хлодвигом, на стр. 360 Пирам — Приамом и т. п.), никак не может повлиять на самую высокую оценку выдающегося труда советского романиста.

Весьма положительный отзыв о «Книге для чтения» дал венгерский романист Ф. Бакош¹, подчеркнувший, что эта книга является крупнейшим печатным произведением в области романской филологии. К высокой оценке Ф. Бакоша присоединяется проф. А. А. Смирнов, рассматривающий книгу в ее историко-литературной приуроченности².

Заслуживает высокой похвалы использование В. Ф. Шишмаревым в «Книге для чтения» текстов тех памятников, рукописи которых находятся в фондах Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Только такой сведущий палеограф, как В. Ф. Шишмарев, автор ряда статей о рукописях из фондов этой библиотеки и хранилища Академии наук³, смог издать и прокомментировать фрагменты из «Романа о Трое» Бенуа де Сент-Мора, из «Чудес девы Марии» Готье де Куэнси (по словам автора, «среди дошедших до нас списков «Чудес девы Марии», может быть, лучшим является список, хранившийся в ленинградской Гос. Публ. б-ке им. Салтыкова-Щедрина»). По единственной рукописи пасторали XV в. «Реньо и Жаннетон», находящейся в той же библиотеке, напечатан текст начала этой пасторали. Четвертый памятник, опубликованный по рукописи, тоже относится к XV в. — «Пятнадцать радостей брачной жизни» (в виде образца в «Книгу для чтения» включена «вторая радость»). В работах В. Ф. Шишмарева мы имеем образцы тонкого мастерства латино-романской палеографии.

Самостоятельное значение может иметь «Историческая морфология французского языка»⁴, которая в то же время служит пособием при работе над текстами «Книги для чтения». Хотя «Историческая морфология» и содержит в себе немало справочного материала, однако автор считает ее основной задачей систематический исторический анализ морфологических сторон французского языка. Для характеристики морфологического строя использован ряд памятников старофранцузской и среднефранцузской речи, наряду с памятниками древнейшего периода. Попутно следует отметить, что не все памятники, использованные в указанной книге, совпадают с теми, которые напечатаны в «Книге для чтения». В качестве сопоставительного материала привлечены латинские и галло-романские памятники, использована обширная исследовательская литература и ряд словарей.

В. Ф. Шишмарев устанавливает известную преемственность задач, стоявших перед его предшественниками и им как автором «Исторической морфологии», не без основания противопоставляя свою книгу тому пренебрежительному отношению к грамматике, которое было свойственно Н. Я. Марру.

Книга состоит из двух неравных частей: меньшей — «Имя», большей — «Глагол». Особенно последовательно рассматривается морфология существительных и местоимений. Более лаконично изложена глава, посвященная неопределенному, определенному и партиципному члену, хотя и в ней очень логично показано развитие различных видов членов как во французском, так и — сопоставительно — в других романских языках. Попутно следует отметить досадное расхождение в толковании неопределенного местоимения *cata+unus* > *cadun*, *chadun*, правильное объяснение которого дано в «Исторической морфологии» (стр. 83) и в «Словаре старофранцузского языка» (стр. 38) и ошибочное — в «Книге для чтения» (стр. 21, примеч. 8). Несомненно, лучшим разделом главы о местоимениях является раздел «Е. Неопределенные местоимения».

Интересны наблюдения автора в «Исторической морфологии» над безличным пассивом и употреблением кондиционала (стр. 102, 114), данные с использованием сравнительных показаний из испанского, румынского, рето-романского, а также в случае надобности и из германских языков (стр. 123, 131). Нельзя не отметить привлечение

¹ «Filológiai közlöny», évf. II, szám 3, 1956.

² См. цит. выше рецензию на книгу В. Ф. Шишмарева.

³ Помимо указанных выше статей «Реньо и Жаннетон» и «Следы библиотеки Рене Анжуйского в рукописных собраниях Публичной библиотеки», отметим «Рукописный отрывок „Комедии“ Данте Музея палеографии Академии наук» (ИАН СССР, Серия VI, 15 января — 1 февраля 1927).

⁴ В. Ф. Шишмарев, Историческая морфология французского языка, М. — Л., 1952.

В. Ф. Шишмаревым свидетельств различных грамматических работ XIII — XVII вв. от «Orthographia gallica» до Вожла¹.

В заключительной главе «Исторической морфологии» даны наиболее трудные типы и формы отдельных глаголов, часто встречающихся в памятниках. Многолетний опыт преподавания в вузах сказался и в составлении этого перечня, который дает хорошо обозримый материал в пределах старо- и среднефранцузского языка (стр. 248—264). Несомненно, и эта часть своеобразной трилогии В. Ф. Шишмарева по истории французского языка займет принадлежащее ей по праву место.

Третьей и последней частью является «Словарь старофранцузского языка»². Прежде всего надо отметить, что это — первый опыт такого словаря на русском языке. Автор его правильно считает, что «Словарь» сможет обслужить не только языковеда, но в известной мере и историка литературы и даже историка вообще, поскольку базой этой книги является словарный состав довольно разнообразного содержания. В интересах лингвиста значения слов даются в «Словаре» не только на русском, но и на современном французском языке, и слова сопровождаются этимологическими пояснениями. В предисловии к «Словарю» В. Ф. Шишмарев указывает, что для его составления послужили тексты «Книги для чтения» и лишь в отдельных случаях материалы из других памятников. Однако не все слова «Книги для чтения» были включены в «Словарь». К числу таких относятся слова более поздних текстов, которые употребляются в современном языке в том же значении, а также некоторые слова, прокомментированные в тексте «Книги для чтения». Автором исключены из «Словаря» собственные имена и географические названия.

Расположение материала в строго алфавитном порядке способствует его обозримости. Удачным выходом для слов-синонимов, создающихся на основе одного и того же слова при помощи синонимических суффиксов, является введение их в «Словарь» отдельными статьями с пометой «морфологический вариант» и со ссылкой на основной из них (см. стр. III).

Ряд интересных соображений высказал автор по поводу принципов этимологизации и перевода. С полным основанием В. Ф. Шишмарев в известных случаях отказывается от гипотетических этимологий и заменяет их указаниями на образование внутри французского языка. Спорность и противоречивость этимологий заставила его в подобных затруднительных положениях ограничиваться пометой «этимология неясна» (та же помета применяется к так называемым звукоподражательным этимологиям).

«При переводе, — так говорится в „Предисловии“, — в основу была положена мысль акад. Л. В. Щербы о том, что перевод должен быть не толкованием, а реальным переводом, пригодным для правильной русской фразы и подходящим для возможно большего числа контекстов. Таким образом, в начале помещается основное для старофранцузского периода значение... В дальнейшем расположении переводов по возможности отражается реальная связь значений» (стр. IV—V).

Если сопоставить «Словарь» со словарем к «Хрестоматии» А. Анри, то прежде всего надо отметить крайний утилитаризм словаря Анри: слово дается с его вариантами (графическими и диалектными), затем следует значение, указание места употребления, фразеологические сочетания по контексту. Между тем в рецензируемый «Словарь» включены морфологические варианты, и — что особенно ценно — переводу слова на русский язык предшествует его новофранцузский эквивалент. Наличие этимологий позволяет считать этот «Словарь» трехязычно-толковым с этимологическими ссылками.

Может быть, включение имен собственных и географических названий в «Словарь» способствовало бы устранению некоторых трудностей в понимании вариантов (компактный перечень собственных имен вполне исчерпывает материал текстов в «Хрестоматии» А. Анри). «Старофранцузский словарь» Тоблера — Ломмача, 34-й выпуск которого выходит в 1957 г.³, в отношении полноты и объема приводимых из различных памятников примеров имеет некоторые преимущества по сравнению со «Словарем» В. Ф. Шишмарева. Однако, вчитываясь в оба словаря и сравнивая их, сличая отдельные словарные статьи, невольно приходишь к выводу о наличии большей строгости и логической стройности в построении рецензируемого «Словаря».

Досадно, что опечатки (к тому же довольно обильные) встречаются и в «Словаре», и в двух других книгах В. Ф. Шишмарева. В ряде случаев можно было бы указать морфологические и графические варианты некоторых словарных статей (стр. 24, 30,

¹ «Orthographia gallica», Heilbronn, 1884; Cl. Vaugelas, Remarques sur la langue française utiles à ceux qui veulent bien parler et bien écrire, Paris, 1880; см. также «Историческую морфологию», стр. 16.

² «Словарь старофранцузского языка к „Книге для чтения по истории французского языка“ В. Шишмарева», М. — Л., 1955.

³ T o b l e r — E. L o m m a t z s c h., Altfranzösisches Wörterbuch, Lief. 1—15, Berlin, 1915—1932.

33, 51, 57, 59, 84, 95, 96, 98, 237, 254 и др.). Попутно надо отметить, что автором «Паломничества к святым местам» чаще считают монахиню Эгерию¹ вместо прежних Сильвии и Этерии (см. стр. 10 «Исторической морфологии» и стр. IX «Словаря»).

Все сказанное выше подтверждает, что три книги В. Ф. Шишмарева являются крупным вкладом в советскую романистику.

Д. Е. Михальчи

Романо-германская филология. Сб. статей в честь академика В. Ф. Шишмарева. — Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. 352 стр.

Вышел в свет сборник «Романо-германская филология». Изданием этого сборника отмечается знаменательная дата — 80-летие со дня рождения выдающегося советского ученого-филолога, крупнейшего специалиста в области романских языков и литератур, лауреата Ленинской премии академика Владимира Федоровича Шишмарева.

Тематика сборника весьма разнообразна: в нем представлены работы советских лингвистов по грамматике, фонетике, лексике и стилистике французского, провансальского, испанского, португальского и румынского языков, а также статьи по самым различным вопросам романских литератур. В сборник вошли также и несколько статей, по тематике выходящих за пределы романской филологии: статьи А. Десницкой, М. Стоблин-Камешиной, Б. Ларина, И. Тронского и М. Тронской. Преобладают работы по французской филологии (см. статьи Т. Абросимовой, М. Бородиной, А. Васильевой, М. Гурычевой, Е. Реферовской, О. Шварц, Н. Штейнберг).

Т. Абросимова в своей статье «К вопросу о побудительном значении некоторых глаголов во французском языке» оспаривает мнение некоторых французских лингвистов, считающих, что глаголы типа *descendre, sortir, entrer* и подобные им в переходном употреблении имеют такое же побудительное значение, как и сочетание *faire + инфинитив*. На хорошо подобранных примерах автор показывает неточность этого утверждения. Сравнивая приводимые автором предложения типа *Il m'a semblé qu'on allait me sortir de prison* «Мне показалось, что меня собираются выпустить из тюрьмы» с предложениями типа *Il sait que j'ai refusé de faire des démarches pour le faire sortir de prison* «Он знает, что я отказался предпринимать какие-нибудь меры, чтобы добиться его освобождения из тюрьмы», не желая не признать, что глагол *sortir* в первом случае не имеет каузативного значения. Однако при анализе сочетаний с *faire* было бы целесообразно не рассматривать те из них, которые идут по пути лексикализации, имеют тенденцию образовывать лексическое единство. Так, сочетание *faire entrer* в современном французском языке большей частью эквивалентно глаголу *introduire* и не имеет значения побудительности.

Статья М. Бородиной «Судьба провансальских и французских форм во франко-провансальских говорах (с 1900 по 1947 г.)» посвящена одному из вопросов французской диалектологии. Ее задача — показать развитие некоторых особенностей франко-провансальских говоров на основе сравнения данных атласа Жильерона с новыми данными недавно вышедшего атласа Гардета. Такого рода сравнение представляет определенный интерес, так как дает автору возможность в известной мере проследить тенденции развития в области фонетики, сдвиги в лексике под влиянием форм литературного языка. Однако проведенное М. Бородиной сравнение не дает оснований утверждать, что франко-провансальские говоры должны рассматриваться как диалекты французского языка. Такой вывод представляется несколько неожиданным и не вытекает из предыдущего изложения. Исчезновение ряда диалектных форм под влиянием литературного языка вряд ли является аргументом в пользу несамостоятельности франко-провансальских говоров. Вопрос о месте франко-провансальских говоров требует еще очень тщательного изучения последних.

А. Васильева в статье «Инфинитив при существительном в современном французском языке» исследует употребление инфинитива главным образом в плане его семантических связей с определяемым им существительным. Автор сосредоточивает свое внимание: 1) на типах значений, сообщаемых инфинитивом существительному, на зависимости этих значений от предлога, вводящего инфинитив; 2) на соотношении инфинитива с субъектом его действия. В этом плане А. Васильева тщательно и подробно характеризует три группы инфинитивных определений, выделяемых ею в зависимости от предлога, вводящего инфинитив, а именно: инфинитив с предлогами *de, à* и *pour*.

Избранный А. Васильевой план рассмотрения инфинитивных определений не дает, однако, возможности подробно остановиться на анализе интересного типа инфинитивного определения, называемого автором «переходным», т. е. тех случаев, когда инфинитив в одинаковой степени относится и к сказуемому, и к дополнению типа *Je lui donnerais les oiseaux à nourrir...* «Я дал бы ей птиц, которых она должна была бы кормить».

¹ M. Diaz y Diaz, *Antologia del latin vulgar*, Madrid, 1950; G. Rohlf, *Sermo vulgaris latinus*, Halle/Saale, 1951.